

М. К. Любавский

**Очерк истории Литовско-Русского
государства**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. К. Любавский**
Очерк истории Литовско-Русского государства / М. К. Любавский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 410 с.

ISBN 978-5-517-90357-0

Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С приложением текста хартий, выданных великому княжеству Литовскому и его областям.

ISBN 978-5-517-90357-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Научное значеніе исторіи Литовско-Русскаго государства.

Киевская Русь и Литовская.—Необходимость изученія литовско-русской исторіи для уясненія древняго періода русской исторіи.—Литовская Русь и Московская и необходимость ихъ сравнительнаго изученія — Историческое значеніе Люблинской уни.—Необходимость изученія внутренней исторіи Литовско-Русскаго государства для объясненія этого факта.

Изложенію исторіи Литовско-Русскаго государства необходимо предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній о томъ мѣстѣ, которое принадлежитъ ей въ общей системѣ науки русской исторіи, и о томъ правѣ на вниманіе, котораго она заслуживаетъ при изученіи этой науки.

Прежде всего надо имѣть въ виду, что въ настоящемъ случаѣ приходится имѣть дѣло съ государствомъ, которое во время оно объединяло добрую половину Руси. На образованіе великаго княжества Литовскаго пошла не только область, населенная литовскимъ племенемъ, но и старинныя русскія земли въ бассейнахъ З. Двины и Днѣпра—Полоцкая, Смоленская, Чернигово-Сѣверская, Кіевская и Волынская. Это была исконная Русь, сидѣвшая на старомъ корню, медленно эволюціонировавшая, но не срывавшаяся съ своихъ жизненныхъ устоевъ,—въ противоположность Руси Суздальской, которая, расселившись по верхней Волгѣ и ея притокамъ, устроила тамъ свою жизнь на новыхъ основаніяхъ, отличныхъ отъ Приднѣпровской и Подвинской Руси. Правда, Подвинская и Поднѣпровская Русь подчинилась власти литовскихъ князей. Но при этомъ подчиненіи западная Русь не только не теряла своего историческаго наслѣдія, но и передавала его господствующей землѣ, которая сама во многомъ устраивалась по образцамъ этой Руси, вводила у себя русскій языкъ, русскія учрежденія, русское право и даже русскую вѣру. Вслѣдствіе всего этого и исторія Литовско-Русскаго государства является въ извѣстномъ смыслѣ прямымъ продолженіемъ, дальнѣйшимъ развитіемъ исторіи Кіевской Руси. Въ жизни Литовской Руси можно подмѣтить гораздо больше традицій, архаическихъ чертъ кіевского періода, чѣмъ въ жизни Суздальской Руси. А если такъ, то и ретроспективнаго уясненія разныхъ чертъ древнѣйшаго, такъ называемаго кіевского періода русской исторіи приходится искать главнымъ образомъ въ позднѣйшихъ данныхъ литовско-русской исторіи, въ бытѣ и установленіяхъ государства Литовско-Русскаго. Такое ретроспективное уясненіе важно не только само по себѣ, но и для того, чтобы можно было лучше представить оригинальность историческаго процесса, начавшагося на сѣверо-востокѣ, въ Суздальской землѣ, съ от-

ливомъ туда населенія изъ Приднѣпровья. На ряду съ этимъ увеличивается возможность точнѣе учесть и то историческое наслѣдіе, которое при всемъ томъ Суздальская Русь получила отъ Руси Клевской. Слѣдовательно, говоря вообще, — изученіе литовско-русской исторіи является однимъ изъ средствъ къ углубленію пониманія русскаго историческаго процесса въ древнѣйшій его періодъ.

Но то же самое справедливо и въ отношеніи къ послѣдующимъ—среднимъ вѣкамъ русской исторіи. Какъ самостоятельный процессъ, исторія Литовско-Русскаго государства поражаетъ противоположностью своего направленія и своихъ результатовъ по сравненію съ исторіею другого русскаго государства—Московского. Московское государство, какъ извѣстно, развивалось въ направленіи монархическаго абсолютизма и административной централизаціи. Оно отлилось въ концѣ концовъ въ форму наслѣдственной и неограниченной монархіи, съ сильнымъ центральнымъ правительственнымъ механизмомъ, который пользовался органами мѣстнаго управленія и самоуправленія, какъ своими орудіями по выполнению преимущественно общегосударственныхъ задачъ. Соціальный процессъ въ этомъ государствѣ привелъ къ установленію крѣпостной зависимости крестьянскаго населенія отъ землевладѣльцевъ. Но государство при всемъ томъ не утратило своихъ правъ суда и обложенія надъ этимъ населеніемъ, и московскіе землевладѣльцы не сдѣлались полновластными государями въ своихъ имѣніяхъ. Всѣ классы общества въ Московскомъ государствѣ обязаны были службою государству въ той или другой формѣ, и внутреннее развитіе его совершалось въ направленіи постепеннаго роста и закрѣпленія сословныхъ обязанностей, сословнаго тягла. Таково было государство Московское.—Великое княжество Литовское развивалось въ направленіи конституціонализма и политической децентрализаціи. Оно отлилось въ концѣ концовъ въ форму избирательной (въ династическихъ предѣлахъ) монархіи, ограниченной частью совѣтомъ вельможъ, или *радою* господарскою, частью *сеймомъ* изъ представителей дворянскаго сословія. Въ этомъ государствѣ слабо развивалось и не пошло далѣе зачатковъ въ своей организаціи центральное управленіе, преобладало управленіе мѣстное, проникнутое автономическими тенденціями. Земли, изъ которыхъ составилось Литовско-Русское государство, сохраняли въ немъ свою прежнюю обособленность и самобытность, и все государство было проникнуто началами федерализма. Землевладѣльцы въ этомъ государствѣ пріобрѣли государственныя права надъ населеніемъ своихъ имѣній, даже и не крѣпостнымъ, и сдѣлались въ нихъ государями феодальнаго типа. Все внутреннее развитіе Литовско-Русскаго государства совершалось въ направленіи роста и укрѣпленія привилегій высшаго класса—шляхты на счетъ правъ государя и остальнаго населенія.—Чѣмъ объясняется такая разница въ общемъ направленіи и результатахъ того и другого процесса—все это вопросы огромной важности, разрѣшеніе которыхъ должно

способствовать болѣе широкому и болѣе глубокому пониманію средняго періода русской исторіи, стоящаго между кievскимъ періодомъ съ одной стороны и новымъ—петербургскимъ съ другой. Если при этомъ смотрѣть на исторію сѣверо-восточной, Великой Руси, какъ на главное и основное теченіе русской жизни, то и съ этой стороны изученіе параллельнаго литовско-русскаго теченія чрезвычайно важно, ибо даетъ матеріалъ для всевозможныхъ сопоставленій и сравненій, а черезъ нихъ облегчаетъ уясненіе историческаго процесса сѣверо-восточной Руси.

Отдѣльная исторія Литовско-Русскаго государства, какъ извѣстно, закончилась крушеніемъ его самобытности и самостоятельности, соединеніемъ съ Польшею въ одну *рѣчь посполитую*, т.-е. государство. Это политическое сліяніе повело къ тѣсному духовному сближенію Литвы и западной Руси съ Польшею и къ отчужденію ихъ отъ Руси сѣверо-восточной, которое впослѣдствіи, когда судьба возсоединила ихъ съ этою Русью въ одно государство, дало тяжело себя почувствовать обѣимъ сторонамъ. Политическое соединеніе Литвы и западной Руси съ Польшею вообще затруднило и усложнило дѣло національнаго объединенія Руси, предпринятое Москвою, и надолго затянуло борьбу за объединеніе, сопровождавшуюся огромною тратой народныхъ силъ, матеріальныхъ и моральныхъ. Люблинская унія, соединившая великое княжество Литовское съ Польшею, является, такимъ образомъ, событіемъ первостепенной важности въ общерусской исторіи. Но историческое объясненіе этого событія не возможно безъ надлежащаго ознакомленія съ внутреннимъ развитіемъ Литовско-Русскаго государства, съ его соціально-политическою организаціею. Нельзя въ данномъ случаѣ ограничиваться одними внѣшними причинами, которыя рѣшили вопросъ объ уніи Литвы съ Польшею,—т.-е. Ливонскою войною, поставившею великое княжество Литовское въ затруднительное положеніе и заставившею его искать тѣснаго союза съ Польшею. Если остановиться на этомъ, то все равно останется не яснымъ, какъ создалось такое положеніе вещей въ Литовско-Русскомъ государствѣ, почему оно, при всей величинѣ своей территоріи и населенности, такъ скоро оказалось не въ состояніи безъ польской помощи бороться съ Москвою, истощенною и войною, и тиранніею Грознаго; остается далѣе неяснымъ, почему Литовско-Русское государство, когда обнаружилась невозможность его самобытнаго существованія, предпочло примкнуть къ Польшѣ, а не къ Великой Руси, съ которою у него было больше національнаго и религіознаго сродства, чѣмъ съ Польшею. Всѣ эти вопросы не могутъ получить удовлетворительнаго разрѣшенія безъ должнаго уясненія тѣхъ государственныхъ средствъ, коими располагало великое княжество Литовское, его внутренняго строя и общественныхъ отношеній и стремленій. Надо имѣть въ виду, что еще съ конца XIV вѣка Польша много разъ покупалась на государственную самостоятельность великаго княжества Литовскаго путемъ установленія уній. И внѣшнія обстоятельства въ выс-

шей степени благопріятствовали ея стремленіямъ. При великихъ князьяхъ Александрѣ и Сигизмундѣ Казимировичахъ (1492—1544) шла напряженная борьба съ Москвою, при чемъ великое княжество Литовское находилось въ столь же затруднительномъ, если не худшемъ положеніи, какъ и во время Ливонской войны. И однако въ то время не состоялось соединенія его съ Польшею, какъ ни хлопотали о томъ поляки. Очевидно, что великое княжество Литовское не было еще готово къ такому соединенію по внутреннему своему состоянію, по строю и взаимоотношенію общественныхъ силъ, которыя заправляли тогда его политическою жизнью — Ко времени Люблинской уніи такая внутренняя подготовка уже совершилась, и великое княжество Литовское оказалось въ состояніи безъ особой ломки, безъ потрясенія основъ внутренняго быта соединиться съ Польшею въ одну *речь посполитую*, т.-е. въ одно государство. Поэтому процессъ внутренней ассимиляціи великаго княжества Литовскаго съ Польшею и его успѣхи необходимо должны войти въ историческое объясненіе факта Люблинской уніи, имѣвшаго столь важное значеніе въ русской исторіи.

Сказаннаго, думается, совершенно достаточно для доказательства того положенія, что при изученіи русской исторіи никоимъ образомъ нельзя обходить исторіи того государства, которое именовалось великимъ княжествомъ Литовскимъ. Если до недавняго времени этотъ предметъ былъ какъ бы въ забросѣ и небреженіи, то это объясняется не маловажностью его, а состояшемъ исторической литературы. Эта литература мало знакомила съ организаціею Литовско-Русскаго государства, съ ходомъ его внутренняго развитія, — точнѣе сказать: давала рядъ отрывочныхъ, сбивчивыхъ и нерѣдко противорѣчивыхъ указаній по этой части, по которымъ нельзя было составить себѣ сколько-нибудь связнаго и цѣльнаго представленія о ходѣ литовско-русской исторіи. Въ настоящее время игнорированіе исторіи Литовской Руси уже не можетъ имѣть своего оправданія. Въ послѣднее время какъ въ русской, такъ и въ польской литературѣ появилось не мало трудовъ, пролившихъ свѣтъ на внутреннюю исторію Литовско-Русскаго государства, на его политическую и общественную организацію. Наступило время воспользоваться этими трудами и Литовскую Русь, уже болѣе столѣтія объединенную съ Русью восточною политически, объединить съ нею и въ научномъ сознаніи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ПОСОБІЯ.

С. Балтрамайтіс, Сборникъ библиографическихъ материаловъ для географіи, этнографіи и статистики Литвы, Спб. 1904 г.; *L. Finkel*, Bibliografia history polskiej, cz I—III, Kraków 1895—1906 г.; *Θ. И. Леонтовичъ*, Исторія русскаго права. — Выпускъ I Литература исторіи русскаго права Варшава, 1902 г. Дополненіе къ выпуску 1-му. Варшава, 1903 г. (Варшав. Унив. изв. 1903 г., т. III); *М. С. Грушевскій*, Исторія України Руси том. IV, Київ-Львів, 1907 г.

II.

Общественный бытъ литовцевъ по древнѣйшимъ извѣстіямъ.

Данныя археологии о мѣстожительствѣ литовцевъ.—Извѣстіе Тацита объ Эстіяхъ и ихъ бытъ: вопросъ о народности Эстіевъ.—Судины и Галинды Птолемея.—Готское вліяніе на Литву.—Успѣхи литовской общественности къ концу X вѣка по извѣстію Вульфстана.—Данныя объ экономическомъ бытъ, социальномъ дѣленіи и политическомъ строѣ Литвы XII—XIII в. въ польскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ источникахъ.

Начальнымъ вопросомъ въ исторіи Литовско-Русскаго государства является естественно вопросъ объ образованіи того политическаго ядра, изъ котораго оно развилось. Такимъ ядромъ, какъ извѣстно, было великое княжество Литовское, создавшееся во второй половинѣ XIII вѣка подъ властью Миндовга и его ближайшихъ преемниковъ. На создание этого государственнаго ядра пошло преимущественно литовское племя. Необходимо прежде всего ознакомиться съ этимъ племенемъ, съ его бытомъ и состояніемъ его общественности къ половинѣ XIII вѣка. Только при этомъ условіи станутъ ясными та историческая почва, на которой зародилось новое государство, причины этого зарожденія, а также и его первоначальная структура и характеръ.

Итакъ, кто же такое были литовцы, и какъ они жили въ древнѣйшее время? Уже въ первой половинѣ XIX вѣка ученые Боппъ, фонъ-Боленъ, Авг. Поттъ, Гильфердингъ и др. по даннымъ литовскаго языка установили, что литовское племя принадлежитъ къ семьѣ индоевропейскихъ народовъ къ той же самой семьѣ, къ которой принадлежали греки, римляне, кельты, германцы и славяне. Ученые нашли вмѣстѣ съ тѣмъ, что языкъ этого племени по своему грамматическому и лексическому строю обнаруживаетъ большую древность, чѣмъ другіе европейскіе языки. Литовцы въ большей мѣрѣ консервировали данныя праязыка, отъ котораго пошли индоевропейскіе языки, чѣмъ другія народности Европы. Когда литовцы поселились въ Европѣ, и какія мѣстности первоначально въ ней занимали, на эти вопросы по настоящему состоянію науки нѣтъ еще возможности отвѣтить болѣе или менѣе утвердительно. Съ увѣренностью можно только полагать, что литовцы въ древнѣйшія времена жили не только въ бассейнахъ Нѣмана и нижней З. Двины, но и далѣе на востокъ, доходя до средней Оки. Археологи въ нынѣшней Калужской губерніи нашли курганы съ труносожженіемъ и съ предметами той же культуры, которая засвидѣтельствована раскопками, произведенными въ области исконныхъ литовскихъ поселеній, т.-е. въ области Нѣмана. На р. Протвѣ на памяти исторіи жило племя *Голядь*, напоминающее своимъ именемъ одно изъ прусскихъ ли-

товскихъ племенъ—*Галиндовъ*. Эти Галинды вмѣстѣ съ *Судинами* являются обывателями Балтійскаго побережья уже по извѣстіямъ александрійскаго географа *Птоломея* II вѣка. Такъ какъ Судины и Галинды фигурируютъ въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ конца XIII вѣка, какъ подраздѣленія прусскаго литовскаго племени, то приходится признать, что древнѣйшее извѣстіе о пребываніи литовцевъ въ Европѣ относится ко II вѣку по Р. Х.

Впрочемъ, ученые склонны видѣть литовцевъ и въ тѣхъ *Эстляхъ*, о которыхъ сообщаетъ *Тацитъ* въ своей «Германіи». По словамъ Тацита, на правомъ берегу Свевскаго моря обитали племена Эстиевъ, по наружности и обычаямъ близкія къ Севамъ, а по языку къ Британцамъ. Железное вооруженіе было у нихъ въ рѣдкомъ употребленіи: большею частью обходились палками; но съ большимъ усердіемъ, чѣмъ германцы воздѣлывали хлѣба и прочіе овощи; продавали также янтарь, который они называли на своемъ языкѣ *glæsum*, и которому сами для себя не придавали никакой цѣны. Были ли эти Эстии дѣйствительно литовцы, трудно съ увѣренностью сказать. Проф. Мержинскій считаетъ тожество Эстиевъ съ литовцами за несомнѣнный фактъ, ибо и позже подъ именемъ Эстиевъ являются литовцы, напр., Пруссы въ сообщеніи норвежскаго мореплавателя Вульфстана. Мержинскій находитъ тожественными и вѣрованія и обычаи Эстиевъ въ изображеніи Тацита съ вѣрованіями и обычаями литовскими. Доводы Мержинскаго въ общемъ сильны. Остается только непонятнымъ, почему янтарь на языкѣ эстиевъ назывался *glæsum*, а не *gentaras*?

Когда прибыли готы въ нашу страну, литовцы, по всему вѣроятію, были покорены ими вмѣстѣ съ другими насельниками западной части нынѣшней Россіи. Доказательствомъ этого являются различныя заимствованія въ литовскомъ языкѣ изъ готскаго, напр. названія металловъ и издѣлій изъ нихъ. Изъ готскаго языка заимствовали литовцы и названіе *kingas* или *kingas* для обозначенія вождя, князя, царя.

Прямые и опредѣленные извѣстія о литовцахъ идутъ съ конца X вѣка. О Пруссахъ говорятъ сказанія о мученической кончинѣ св. Войтеха или Адальберта, написанныя вскорѣ же послѣ его смерти († 997 года) монахомъ Кананарлемъ, епископомъ Брунономъ и неизвѣстнымъ авторомъ. О Пруссахъ сообщаетъ разныя свѣдѣнія и норвежскій путешественникъ того же времени *Вульфстанъ*, свѣдѣнія, которыя въ большей или меньшей степени характеризуютъ бытъ и другихъ литовскихъ народовъ. «Страна Эстовъ,—пишетъ Вульфстанъ,—очень обширна, и тамъ лежитъ много городовъ, и въ каждомъ городѣ свой король». Повидимому, здѣсь рѣчь идетъ не о городахъ въ собственномъ смыслѣ, а о возвышеніяхъ естественныхъ и насыпныхъ, на которыхъ находились укрѣпленные поселки. Въ Литвѣ и Жмуди много и до сихъ поръ такихъ возвышеній со слѣдами древнихъ поселеній,—это такъ называемые *пилькалмисы*. Находимыя въ области Пруссовъ абассидскія и сассанидскія монеты показываютъ,

что и литовцы въ то время были втянуты въ торговый обмѣнъ между востокомъ и западомъ, совершавшійся черезъ Кіевъ и Новгородъ. О Прусахъ, жителей Самландіи, рассказываетъ *Адамъ Бременскій* въ своемъ сочиненіи *Descriptio insularum Aquilonis*. Одновременно съ тѣмъ, въ XI в., начинается говорить о Ятвягахъ, южномъ литовскомъ племени, *наша лѣтопись*.

Въ XII вѣкѣ къ нашей лѣтописи, говорящей и о другихъ литовскихъ племенахъ, присоединяется древнѣйшая польская хроника *Мартина Галла*, доводящая свой рассказъ до 1113 года. Въ XIII вѣкѣ о литовцахъ, кромѣ нашихъ лѣтописей, много говорятъ нѣмецкія хроники и лѣтописи. Нѣмцы въ лицѣ рыцарей ордена Меченосцевъ и Прусскаго ордена вступили въ XIII в. въ упорную и ожесточенную борьбу съ литовскими племенами. Ихъ дѣйствители естественно поэтому должны были сообщать многое и о Литвѣ. Эти сообщенія выясняютъ не только географическое распространеніе Литвы и ея племенное дѣленіе, но также въ большей или меньшей степени экономическій, общественный и политическій строй Литвы, а также и народный характеръ, какъ они сложились къ тому времени. Важнѣйшія изъ этихъ сообщеній находятся: въ *Chronicon Livoniae Генриха Латвии*, которая, по его словамъ, не содержитъ ничего, кромѣ видѣннаго собственными глазами или слышаннаго отъ очевидцевъ (доходить до 1227 г.); въ рионованной Ливонской хроникѣ (*Die Livlandische Reimchronik*), стихами передающей событія Ливонии отъ 1227 до 1290 г.; въ хроникѣ *Петра Дюсбургскаго* конца XIII и первой четверти XIV столѣтія, которая наравнѣ съ Ипатьевскою лѣтописью можетъ служить основнымъ источникомъ при изученіи древней литовской исторіи. Кромѣ того, сообщенія отъ XIII в. вошли въ хроники и лѣтописи XIV и даже XV в., которыя пользовались недошедшими до насъ источниками XIII в. Изъ хроникъ ливонскихъ XIV в. выдается въ этомъ отношеніи *Chronicon Livoniae Германа Вартберга*, обнимающая періодъ лифляндской исторіи со времени перваго прибытія купцовъ нѣмецкихъ къ устью Двины до 1378 года. Изъ прусскихъ хроникъ заслуживаютъ особеннаго вниманія *старѣйшая Оливская хроника*, обнимающая событія отъ 1190 до 1350 г., *Торнскій лѣтописецъ*, обнимающій событія отъ 941 до 1410 года.

Въ этихъ источникахъ и содержатся главнымъ образомъ данныя, рисующія состояніе литовской общественности наканунѣ перехода литовскихъ племенъ къ государственному быту. Разныя подробности относительно древняго быта литовскихъ племенъ можно несомнѣнно почерпнуть изъ данныхъ языка и отголосковъ древности, дошедшихъ въ литовскихъ пѣсняхъ, сказкахъ и другихъ произведеніяхъ народной словесности, а также и изъ данныхъ археологическихъ раскопокъ. Но этотъ матеріалъ во всякомъ случаѣ можетъ имѣть только второстепенное, вспомогательное значеніе. Имъ можно пользоваться только при томъ освѣщеніи, какое даютъ письменные источники относительно древняго быта Литвы. Въ сво-

смѣ изложеніи я ограничусь только тѣмъ, что даютъ письменные источники о бытѣ Литвы наканунѣ ея государственнаго объединенія.

Въ концѣ XII и началѣ XIII в. существовало нѣсколько народцевъ литовскаго племени, а именно: *Прусы*, занимавшіе низменную полосу между нижнею Вислою и Нѣманомъ (приблизительно нынѣшнюю Восточную Пруссию), *Жемойтъ*, или нижняя Литва, населявшая область правыхъ притоковъ нижняго Нѣмана до Невяжи включительно (приблизительно нынѣшнюю Ковенскую губернію), *Аугстоте* (Augstaiten), или верхняя Литва, занимавшая бассейнъ Вилли и другихъ правыхъ притоковъ средняго Нѣмана до Гавьи включительно (нынѣшнюю Виленскую губ., часть Гродненской и Ковенской); *Жемгала* на лѣвомъ берегу нижней Двины (въ нынѣшней Лифляндской и Курляндской и частью Витебской губ.); *Летъгола* на правомъ берегу 3 Двины приблизительно до р. Ла (въ южной части нынѣшней Лифляндской губ.); *Ятвяги* въ Бѣловѣжской пушчѣ и далѣе къ сѣверу отъ нея, въ полосѣ, орошаемой притоками Буга и Нарва съ одной стороны, Нѣмана съ другой.

Край, занятый Литвою, былъ лѣспистый и болотистый, и такой характеръ онъ сохраняетъ отчасти и по сіе время, хотя человѣческій трудъ уже значительно измѣнилъ его фیزیономію. Такъ, нынѣшняя восточная Пруссія, безлѣсная, въ XII в. была покрыта лѣсами, какъ это видно изъ разсказа Мартина Галла о походѣ Болеслава Кривоустаго въ 1110 г. въ Пруссію. Всѣ идущія до насъ отъ конца XII и начала XIII в. извѣстія указываютъ на то, что сообразно съ природою страны звѣроловство, рыболовство, бортничество и скотоводство были обычными занятіями литовскихъ племенъ. Но при всемъ томъ эти племена не были бродячими, а осѣдлыми. Сама природа занятой ими страны не благопріятствовала передвиженіямъ и кочеваніямъ съ мѣста на мѣсто и должна была способствовать установленію прочной осѣдлости. «Земля ихъ,—говоритъ Мартинъ Галлъ о Прусахъ,—представляетъ какъ бы острова, окруженные болотами и озерами, эти острова и подѣлены между жителями селеній на нѣкоторые участки». Итакъ, осѣдлость является у пруссовъ уже прочно установившеюся въ началѣ XII в. Позднѣйшія извѣстія подтверждаютъ свѣдѣнія, даваемые Галломъ, и распространяютъ ихъ и на другія племена литовскіе.

Въ XII и XIII в. у литовскихъ племенъ достигло значительнаго развитія земледѣліе. Польскій хронистъ Янъ Кадлубекъ, описывая походъ Казимира Справедливаго на Ятвяговъ въ 1192 году, говоритъ, что поляки предавали пламени села, дома и житницы, наполненныя хлѣбомъ. О значительномъ развитіи земледѣлія у Ятвяговъ говоритъ и наша лѣтопись (по Ипатьевскому списку), описывая походъ Даниила Галицкаго на Ятвяговъ въ 1256 г. Разбивъ Ятвяговъ, Даниилъ остановился въ селѣ Корковичахъ, гдѣ было только два двора, и нашелъ тамъ такое обиліе хлѣба, что всѣмъ достало и людямъ, и лошадямъ, и еще осталось, чему Даниилъ

и его войны не мало дивились. Но если уже въ Ятвяжской землѣ земледѣліе сдѣлало такіе успѣхи, тѣмъ съ большимъ правомъ можемъ предполагать ихъ у другихъ литовскихъ племенъ, и источники вполне подтверждаютъ это предположеніе. Въ обмѣнъ на произведенія своей страны—мѣха, воскъ и медъ литовцы получали между прочимъ и земледѣльческія орудія—серпы и косы, что служитъ косвеннымъ указаніемъ на развившуюся земледѣльческую культуру.

На продолжительную осѣдлость литовскихъ народцевъ указываетъ и общественное устройство ихъ, какъ оно вырисовывается по источникамъ XII и XIII вѣковъ. Въ это время вся территорія литовскихъ племенъ является подѣленною на постоянныя округа, носящія свои названія. Эти округа остались и впослѣдствіи мелкими областными единицами, получившими въ верхней Литвѣ и Жмуди русское названіе *волостей*. Каждый изъ этихъ округовъ является территоріею самостоятельнаго общественнаго союза. Эти мелкіе общественные союзы, повидимому, развились изъ родственныхъ союзовъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно еще и въ XIII в. разсмотрѣть такіе союзы, какъ напр., въ вышеупомянутыхъ *Корковичахъ*. На родственное происхожденіе волостныхъ общественныхъ группъ указываютъ и многочисленные названія литовскихъ волостей съ окончаніемъ на *ишки*: Даудишки, Ейшишки, Граужишки и т. д. Съ такимъ названіемъ являются древнѣйшія волости, и потому эти названія нельзя производить отъ пановъ этихъ волостей, какъ названія нѣкоторыхъ позднѣйшихъ, а скорѣе — отъ родоначальниковъ. Что родственная организація предшествовала политической у литовцевъ, какъ и другихъ народовъ, на это прямое указаніе даетъ Петръ Дюсбургскій, относя его къ Пруссамъ. «Если случаются у нихъ убійства,—говоритъ онъ,—то не можетъ быть никакой сдѣлки, пока родственники убитаго не убьютъ убійцу или его родственниковъ». Но эта организація, давъ начало мелкимъ общественнымъ союзамъ, съ теченіемъ времени превратилась у литовцевъ, какъ и у другихъ народовъ, въ организацію чисто политическую. Родичи размножились, утратили чувство родственной близости, подѣлили землю, приняли въ свою среду чужеродцевъ и въ такомъ видѣ продолжали жить подъ одною властью, дѣйствовать сообща и солидарно въ отношеніяхъ къ сосѣднимъ общинамъ.

Въ концѣ XII и началѣ XIII в. мелкіе общественные союзы литовцевъ были въ большинствѣ несомнѣнно уже чисто политическими соединеніями. Въ литовскихъ волостяхъ мы замѣчаемъ раздѣленіе земель, неравенство имуществъ, и въ связи съ этимъ неравенство соціально-политическое. О раздѣленіи земель мы уже приводили свидѣтельство Мартина Галла отъ 1108 г. Источники говорятъ, кромѣ того, о *лучшихъ людяхъ*, о *благородныхъ*, о *знатныхъ*, называютъ даже *князей и королей* въ волостныхъ общественныхъ группахъ. Петръ Дюсбургскій говоритъ, что Жмудь управлялась 70 царьками (*septuaginta reguli*); въ другомъ мѣстѣ онъ го-

ворить уже о *nobiles*, per quos Samettia tunc regebatur. Риомованная лифляндская хроника говоритъ о *kunige von Samaiten*. Наши лѣтописи XIII в. полны извѣстіями о многочисленныхъ князьяхъ литовскихъ. Новгородская лѣтопись сообщаетъ, напр., что Александръ Невскій въ битвѣ подъ Торонцомъ убилъ 8 князей, а преслѣдуя ихъ далѣе, побилъ и остальныхъ. Волынская лѣтопись, описывая битвы Даниіла Романовича съ Ятвягами, говоритъ одинъ разъ: и много князей ятвяжскихъ было избито; въ другой разъ прямо указываетъ число — 40. Петръ Дюсбургскій, рассказывая о завоеваніи Пруссіи нѣмцами, постоянно упоминаетъ о туземныхъ вождяхъ, власть которыхъ простирается на незначительные сельскіе округа, и которые дѣйствуютъ самостоятельно, не подчиняясь одинъ другому. Но кто же такое были эти вожди, къ которымъ нѣмцы не умѣли примѣнить никакого титула западной феодальной іерархіи и называли ихъ безразлично именами: *rex*, *regulus*, *dux*, *nobilis*, *magistratus*, *castellanus*, *capitaneus* и т. д. Кто такие были тѣ, кого наши лѣтописи называютъ князьями, а литовскіе источники *рикасами* (*rikai*) и *кунигасами* (*kunigai*)? Очень можетъ быть, что нѣкоторые изъ нихъ были потомками родовыхъ старѣйшинъ, происходившими изъ старшихъ линій разросшагося рода — *nobiles*, *die edelsten*. Но чаще всего, по всѣмъ признакамъ, это были вожди, избираемые народомъ или навязавшіеся ему силою, крупные землевладѣльцы, имѣвшіе укрѣпленныя усадьбы со множествомъ челяди, скота, хозяйственныхъ припасовъ и оружия. Такихъ именно *praepotentes*, *potiores domini* изображаетъ постоянно Петръ Дюсбургскій въ лицѣ прусскихъ вождей. Они являлись, такъ сказать, естественными предводителями, около которыхъ и подъ власть которыхъ должно было собираться населеніе волости въ случаѣ нападенія извнѣ. Весьма возможно, что такіе вожди и сами могли навязываться населенію, подчинять его себѣ и покорять. Дѣло въ томъ, что въ XII вѣкѣ война для литовцевъ стала уже не только актомъ самообороны, но и промысломъ. Польскія хроники и русскія лѣтописи полны извѣстіями о набѣгахъ Литвы на сосѣдей съ цѣлью грабежа. Эти набѣги производились чаще всего особыми шайками, специально посвящавшими себя дѣлу войны, иногда даже напимавшимися воевать. Въ Литвѣ, по всѣмъ признакамъ, уже въ XII вѣкѣ имѣлся налицо классъ, соотвѣтствующій германской и славянской дружинѣ. Генрихъ Латышъ въ своей Ливонской хроникѣ рассказываетъ, что въ 1204 году подступалъ къ Ригѣ богатый и могущественный (*dives et praepotens*) литвинъ Свелъгате съ своими дружинниками (*cum suis sodalibus*). Вожди этого класса, обогащавшиеся на войнѣ, опиравшіеся на своихъ товарищей и сподвижниковъ, становились естественными вождями и въ мѣстныхъ обществахъ. Но могло случаться, что, опираясь на это значеніе, на свою матеріальную силу, эти вожди становились и настоящими царьками, властвовавшими надъ мѣстными обществами. Разнообразіе названій, которыя даютъ нѣмцы мѣстнымъ литовскимъ вождямъ и представителямъ, объясняется, повиди-